

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теологии и религиоведения

**Место богословско-религиозной проблематики в понятии «сообщения»
и критике публичной речи Сереном Кьеркегором**
АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студента 4 курса 451 группы
направления 48.03.01 Теология
(профиль «Православная теология»)
философского факультета
Сковородко Александра Денисовича

Научный руководитель
доцент кафедры
теологии и религиоведения,
кандидат философских наук

_____ Е.М. Иванов
подпись, дата

Заведующий кафедрой
теологии и религиоведения,
доктор философских наук,
доцент

_____ М.О. Орлов
подпись, дата

Саратов 2022

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Возобновление интереса к фигуре Кьеркегора, которое можно пронаблюдать в идеях той же «слабой теологии», сообщает нам скорее не о вкусах современной академии, но о некоторых процессах, которые затрагивают религию и публичную сферу общества. Так это потому, что то, о чём писал Кьеркегор, действительно, как мы считаем, во многом описывает наше с вами время и, в частности, религию в её нынешнем положении, где достаточно присмотреться к некоторым текстам или связанным с христианством публичным выступлениям, чтобы заметить в них то, что волновало данного автора по существу – языковую проблематику. Мы хотели бы предположить, что беспокойство по поводу языка – это то, что объединяет Кьеркегора со многими современными христианскими мыслителями, в том числе, и ортодоксальными. Чем именно язык так будоражит Кьеркегора и остальных (пусть даже «остальные» не всегда обсуждают эту тему как проблему именно языковую), так это способностью нашей речи не совпадать с самой собой, аннулировать саму себя, что может быть выражено в краткой формуле «Х без Х» (смирение без смирения или дар без дара, частное без частного, трепет без трепета – вот кьеркегоровские примеры, с которыми нам предстоит работать в данном исследовании). С ней имеет дело Кьеркегор, но и, уверены мы, каждый из нас.

Если проблема эта действительно стоит «на повестке дня», обнаруживая себя в философии или социальной критике, то, в случае теологического исследования, она должна быть рассмотрена в том числе и как богословская. Какой иной «опыт языка» и религиозной речи нам известен? Что на поставленный Кьеркегором вопрос может ответить, например, святоотеческая традиция? Каково место Бога в кьеркегоровском представлении о языке? Есть ли Ему там место? Насколько религиозный дискурс вообще может иметь дело с этим «Х без Х», о котором говорилось выше? Попробовать частично закрыть эти темы – значит не просто сравнить две разные мысли (кьеркегоровскую и,

например, святоотеческую), но прислушаться и серьезно отнестись к тому, что, быть может, волновало, вслед за Кьеркегором, многих из нас. Данное исследование актуально, потому что здесь предпринимается попытка как можно подробнее описать эту проблему, какое выражение та получает в понятии «сообщения» у Кьеркегора, а также определить, каково её отношение к богословию.

Степень научной разработанности проблемы

Вопрос кьеркегоровской «косвенной коммуникации» стал предметом изучения таких исследователей как П. Тиллих, К. Барт, Дж. Капуто, П.П. Гайденко, А.Е. Смулянский, Т. Адорно, С.А. Исаев, Дж. Хэйл, Н.С. Мудрагей, С. Эммануэль, Дж. Патиссон, Б. Райан, Д.А. Лунгина.

На связь кьеркегоровской критики публичной речи с проблемой косвенного сообщения, специфику кьеркегоровской коммуникации, а также отношение Кьеркегора и писательской среды его времени обратил внимание в своей диссертации Александр Смулянский. Интересующий нас вопрос противоречивости тенденций внутри кьеркегоровского языка был поднят в исследованиях Теодора Адорно и его комментаторов Джофри Хэйла и Бартоломью Райана, где текст Кьеркегора представлен как включающий в себя две непримиримые инстанции: буквальное содержание высказывания и эффект этого последнего. Результаты этих исследований послужат основным материалом уже для нашего изучения вопроса косвенной коммуникации в ее связи с богословием.

Отношение косвенной коммуникации к богословско-религиозной проблематике было рассмотрено П. Тиллихом, К. Бартом, Дж. Паттисоном, С.А. Исаевым, Дж. Капуто. Особый интерес представляет текст Карла Барта «Послание к Римлянам», в котором отчетливо видно влияние Кьеркегора и его учения о косвенной коммуникации, и которому удастся избавиться от ряда предубеждений в отношении кьеркегоровского наследия и развить из идеи косвенной коммуникации свою критику богословских и, шире, религиозных высказываний. Другая работа, на которой мы остановимся подробнее в конце

настоящего исследования – это труд Джорджа Паттисона «Kierkegaard's Upbuilding Discourses», где устанавливается связь между критикой публичной речи и кьеркегоровским богословием. При обращении к получившей в исследовании Паттисона полноценный комментарий идее Кьеркегора о необходимости смирения себя перед Богом мы попробуем установить, какую роль здесь играет косвенная форма изложения и почему такая форма в данном случае востребована. Наконец, исследования Сергея Исаева позволяют рассмотреть отношение кьеркегоровской мысли к лютеранской традиции, а также ее влияние на богословие протестантского модернизма, в частности, на диалектическую теологию Карла Барта.

Отметим, что исследования Дж. Хэйла и А. Смулянского, которые стремятся максимально заострить проблемы кьеркегоровского учения о коммуникации, и на чьи результаты мы будем опираться, уделяют мало внимания «религиозной» стороне творчества данного автора. Подобное исключение видится оправданным, поскольку оба исследователя ставили несколько иные задачи, чем те, которые попробуем выполнить мы: рассмотреть понятие «сообщения» в контексте религиозно-богословской проблематики. Для этого потребуется посмотреть, в каком отношении к выявленной Кьеркегором языковой проблеме стоят его религиозные произведения. Следовало бы поставить их в такую связь друг с другом, где проблемы богословия у Кьеркегора будут поняты как проблемы языка, а последние, в свою очередь, как обязанные области теологии. Это позволило бы не только подкрепить тезисы данных комментаторов дополнительным материалом из кьеркегоровских текстов, где религиозные писания составляют крупную их долю, но также переопределить место религиозно-богословской проблематики в наследии этого философа. Данный вопрос может быть задан как к наследию Кьеркегора, так и к богословию вообще. Где оно начинается и где заканчивается, когда мы говорим о языке? Эта проблема должна сопровождать любое исследование кьеркегоровских работ, будь оно заранее ориентировано как на философию, так и на богословие.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются кьеркегоровская критика публичной речи в религиозно-философском аспекте.

Предметом исследования понятие «сообщения» в кьеркегоровской критике публичной речи в религиозно-философском контексте.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является реконструкция места богословско-религиозной проблематики в понятии «сообщения» и критике публичной речи Сереном Кьеркегором.

Задачи исследования:

1. Обосновать, что понятия «сообщения» и «коммуникации» у Кьеркегора не могут быть в своем рассмотрении изолированы от его учения о «внутреннем» и «субъективном». Аргументировать, почему интерпретация кьеркегоровского «индивида» в богословско-религиозном ключе обязана также учитывать вопросы выражения и публичной речи, поставленные этим автором.

2. Задействовав кьеркегоровское учение о субъективном мыслителе, охарактеризовать основные претензии Кьеркегора к публичной дискуссии, определить, что он понимает здесь под «объективной речью», а также уточнить, в чем он видит цели своего творчества и цели творческой деятельности «субъективного мыслителя».

3. Сравнить последнее с святоотеческой мыслью о символе и образе как особым видением возможностей религиозной коммуникации и ее пределов.

4. Установить, как выявленные Кьеркегором конфликты в поле публичной речи прослеживаются в текстах самого этого автора, особенно, в тексте о самой косвенной коммуникации.

5. Показать на примере учения Кьеркегора о «смирении себя для Бога», которое будет рассмотрено здесь через призму дара и категории «возвышенного», как все вышеупомянутые трудности коммуникации заявляют о себе и в религиозном творчестве Кьеркегора. Установить, почему вопросы письма, производства речи и деятельности мышления должны быть в случае

этого автора рассмотрены в качестве вопросов религиозно-богословского характера, то есть, чем кьеркегоровское «сообщение» обязано религиозно-богословской проблематике.

Методологическая база исследования

В основе исследования лежит компаративистский и системный анализ, который позволит представить учение Кьеркегора о «косвенной коммуникации» в относительно цельном виде, а также прояснить наиболее темные места в этой последней и установить ее связь с религиозными писаниями Кьеркегора. С другой стороны, настоящее исследование прибегает к сравнительно-философскому и сравнительно-богословскому методу, который позволит уточнить смысл текстов Кьеркегора и пересмотреть ряд заранее существующих способов их истолкования, а с другой, ответит на основной вопрос настоящей работы – какие точки соприкосновения и расхождения кьеркегоровское сообщение имеет с богословско-религиозной проблематикой и святоотеческим пониманием коммуникации. В рамках настоящего исследования мы сосредоточимся на раскрытии кьеркегоровского понятия косвенной коммуникации или сообщения, чтобы затем, обратившись к сравнительно-богословскому методу, а также указав, где учение о сообщении сопрягается с богословско-религиозной областью, внести некоторую определенность в отношении связи этой последней с разбираемой нами частью кьеркегоровского наследия.

Научная новизна исследования

Заключается в том, что данная работа пытается заново проследить, насколько наиболее конфликтные моменты кьеркегоровского учения о косвенной коммуникации обязаны своим происхождением области богословия и религии.

Положения, выносимые на защиту

1. Мы обнаруживаем принципиальное отличие кьеркегоровского учения о коммуникации от святоотеческого. Если последнее полагает связь между Словом как безусловной реальностью и верующим, через которую нам может

быть сообщено знание, необходимое для спасения, то Кьеркегор озабочен проблемой невозможности какого-либо однозначного обращения, поскольку то у него расслаивается на две инстанции: содержание сообщения и не обязанный совпадать с ним на смысловом уровне эффект.

2. Пункт, где косвенная коммуникация оказывается бессильна перед выявленной Кьеркегором проблемой расслоения речи на ее содержание и эффект, является местом соприкосновения кьеркегоровского сообщения с религиозно-богословской проблематикой. С одной стороны, все выявленные здесь Кьеркегором разломы и противоречия дают о себе знать и в его речи о предметах богословского характера и могут быть зафиксированы и описаны в том или ином тексте. С другой, эти разломы открывают перспективы для своего теологического осмысления и развития через понятие Благодати и соработничества, о которых кьеркегоровский текст не знает ничего.

3. По своей сути, несмотря на то, что кьеркегоровские религиозные писания во многом соприкасаются с проблематикой «сообщения» на своём «содержательном уровне» (как, например, в случае аскезы), само представление Кьеркегора о религиозном языке не является религиозным, поскольку во многом не оставляет места для Бога, способного как-то способствовать устранению «разрыва» между содержанием сообщения и его эффектом.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что настоящая работа пытается развить результаты тех интерпретаций кьеркегоровского наследия (Адорно, Хэйл, Смулянский), которые, при сопряжении их выводов с областью богословия как *речи* о Боге, могли бы помочь переопределить место религии и религиозного творчества в текстах этого мыслителя. Тем самым это исследование подготавливает пространство для дискуссии там, где фигура Кьеркегора сегодня вновь обретает свою популярность – в постсекулярной или же «слабой» теологии, с чьим

пониманием целей кьеркегоровского проекта и причин его актуальности мы по определенным причинам солидаризоваться полностью не можем.

Практическая значимость исследования состоит, в первую очередь, в том, что выбирает своим предметом область, которая может быть названа – в силу причин не всегда очевидных, – практической по преимуществу: производство речи как публичного высказывания. Не быть подключенным к этой деятельности сегодня для субъекта оказывается непозволительной роскошью, когда дискуссии на ту же религиозную тематику, необходимо связанные с вопросами политического и другими, не ограничиваются только лишь различного рода конференциями и диспутами, но незаметно переходят сегодня даже в ту область межлического общения, которую до сих пор иногда называют «приватной». Проблема, которую ставит Кьеркегор, касается, таким образом, всех нас как существ, причастных языковому пространству.

Апробация результатов исследования

Теоретические положения и выводы исследования были представлены в докладах на научных конференциях:

1. Сковородко, А.Д. Отношение интерпретации текста Серена Кьеркегора в интеллектуальной публичной среде к предмету кьеркегоровской критики // Риск и безопасность в современном обществе: онтологические основания и социокультурные практики: Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам (16.02.2021, Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского).

2. Сковородко, А.Д. Публичная речь и повторение в «Заключительном ненаучном послесловии» Серена Кьеркегора // Современная культурология: проблемы и перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (25.03.2021, Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского).

3. Сковородко, А.Д. Молитва и дар благодати в творчестве Серена Кьеркегора // Первый Всероссийский форум молодых теологов: V Всероссийская (с международным участием) научная конференция (25.11.2021, Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского).

4. Сковородко, А.Д. Секулярное и кризис публичной речи: С. Кьеркегор и Г.К. Честертон // XIX Межрегиональные образовательные Пименовские чтения «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность» (06-12.12.2021, Саратов, СПДС)

5. Сковородко, А.Д. Критика возвышенного и проблематика дара у Серена Кьеркегора // Философские горизонты бытия: жизненный путь, ценности, риски: Всероссийская научно-практическая конференция по гуманитарным и социальным наукам, посвящённая 75-летию юбилею В.Б. Устьянцева (10.02.2022, Саратов, СГУ имени Н.Г. Чернышевского).

Публикации в сборниках научных статей

1. Сковородко, А.Д. Отношение интерпретации текста Серена Кьеркегора в интеллектуальной публичной среде к предмету кьеркегоровской критики / А.Д. Сковородко // Риск и безопасность в современном обществе: онтологические основания и социокультурные практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам / под ред. М.О. Орлова. – Саратов: Наука, 2021. – С. 171-175.

2. Сковородко, А.Д. Публичная речь и повторение в «Заключительном ненаучном послесловии» Серена Кьеркегора / А.Д. Сковородко // Современная культурология: проблемы и перспективы: сборник статей молодых ученых / под ред. Е.В. Листвиной и Н.П. Лысиковой. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 106-112.

Структура выпускной квалификационной работы

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении нами обосновывается актуальность этого исследования. Она заключается в том, что кьеркегоровская постановка вопроса о кризисе языка и публичной речи предшествовала тому, когда к этой проблеме обратилась уже

религиозная мысль (мы выделим лишь трёх из многих, кто высказывался на эту тему – Карл Барт в протестантизме и протопресвитер Александр Шмеман и митрополит Антоний Сурожский в православии), обнаруживая и по сей день, что религии та касается в той же степени, что и, например, политики. Тем важнее оказывается, с одной стороны, понять Кьеркегора, и, с другой, попробовать ему ответить.

Во введении также даётся краткий обзор трудов, посвященных настоящей теме, и, тем самым очерчивается ещё неизведанная в случае наследия Кьеркегора область – связь его учения о языке с религиозно-богословской проблематикой.

Выделяются объект и предмет исследовательской работы, её цели и задачи, а также положения, выносимые на защиту. Мы полагаем, что кьеркегоровское понятие «сообщения» представляет собой уникальное видение «природы» языка, которое, по ряду причин не может быть беспроblemно усвоено христианством в его ортодоксальной традиции, или вообще называться религиозным.

Наконец, проводится аргументация, почему данное исследование обладает теоретической и практической значимостью. Данная работа пытается продолжить не самый популярный и разработанный способ чтения Кьеркегора, который можно было бы назвать «деконструктивистским», проливая свет на неочевидные параллели в его творчестве и, самое главное, демонстрируя, что у теологии есть свой ответ на выдвигаемые им вопросы.

В первой главе «Понятие «субъективного» и «объективного» в контексте кьеркегоровской критики публичной речи» мы стремимся разобрать известную существующую в кьеркегоровском творчестве и во многом недопонятую оппозицию между «объективным» и «субъективным» в контексте той критики публичной речи, которую предпринимает данный философ. Начать с этих двух понятий у Кьеркегора следует потому, что они как являются ключом к пониманию других (таких как субъективная рефлексия и

косвенное сообщение), так и позволяют впоследствии проследить некоторые процессы, о которых говорит кьеркегоровская критика, в самом её письме.

В первом параграфе первой главы «Богословская интерпретация учения Серена Кьеркегора о «субъективном» и «объективном» индивиде» дается краткий обзор некоторых существующих трактовок понятий «субъективного» и «объективного» индивида, которые предпринимают авторы-богословы (П. Тиллих, К. Барт, Дж. Капуто). Все эти три фигуры были выбраны неслучайно. Так, например, сравнивая комментарии Тиллиха и Капуто, можно проследить, что касаясь смысла кьеркегоровских понятий, как и во времена первого, так и в уже нашей «постсекулярной» современности, до сих пор существует ряд предубеждений, не позволяющих по достоинству оценить глубину мысли датчанина и её охват. Здесь предпочитают говорить о подавлении «единичного индивида», ужасах массового, сводя кьеркегоровское учение, как правило, к социальному комментарию, в то время как «внутренний религиозный опыт» представляет собой нечто вроде оружия, которое субъект может выставить против властных институтов. Мы полагаем, что Кьеркегор, описывая «субъективное», не только преследовал совершенно другие задачи, но и попытался защитить (пусть и безуспешно) своё творчество от будущего неверного истолкования.

Примечательно, что Тиллих и (в большей мере) Капуто, когда речь идёт об «объективном» и «субъективном» у Кьеркегора, сводят богословский комментарий к социальной критике, не оставляя, таким образом, теологу никакой работы. Даже если в такой интерпретации звучат религиозные понятия, во многом оба автора не говорят ничего, что не сказал бы социолог, социальный критик или философ. Поэтому, чтобы определить возможность *именно теологического истолкования* кьеркегоровского учения об индивиде, то есть, обнаружения схожей проблематики в богословском поле, мы выбрали работу, которая вдохновлена творчеством Кьеркегора, но практически не использует его понятия, предпочитая говорить на языке теологии. «Послание к Римлянам» Карла Барта по своей интонации и выдвигаемым проблемам во

многим похоже на творчество разбираемого нами мыслителя. Его автору предстояло, на наш взгляд, не только проинтерпретировать кризис речи, о котором говорит Кьеркегор, в богословском ключе, но и вплотную подойти к тому, чем же является понятие «косвенного сообщения».

Во втором параграфе первой главы «Понятие «субъективного» и «объективного» применительно к кьеркегоровской критике публичного высказывания» мы подробно обзреваем различие между «объективным» и «субъективным», как его проводит Кьеркегор в «Заключительном ненаучном послесловии». В качестве опоры было выбрано исследование А. Смулянского «Публичная речь как источник формирования историчности». Здесь весь кьеркегоровский проект по созданию «косвенного сообщения» представлен как кружащий вокруг одной языковой невозможности – несовпадения акта и содержания высказывания, проблемы, с которой, как считает исследователь, Кьеркегор сталкивается впервые, во многом тем самым предвосхищая мысль XX века. Именно с подробного описания поставленной Кьеркегором проблемы мы и начинаем этот параграф.

«Субъективное» и «объективное» в такой интерпретации помещены максимально далеко от того, с чем эти понятия у Кьеркегора чаще всего связывают. Во-первых, речь более не идёт ни о каких «субъективных переживаниях» (чувствах, эмоциях, аффектах и т.д.), испытываемых индивидом. «Субъективное» (как и «объективное») представляет собой только лишь определенный способ обращения с выдвигаемой Кьеркегором языковой проблемой, в котором субъект пытается выразить в своём собственном сообщении противоречивость этого последнего. Во-вторых, и как следствие, «субъективное» больше не связано с часто вменяемой Кьеркегору оппозицией «действия/слова», но представляет собой рефлексию над сообщением и его диалектикой – это всё, что от субъективного индивида требуется. «Объективное», в свою очередь, является своего рода способом игнорирования данной проблемы, неспособностью предъявить в речи её собственное противоречие.

В конце данного параграфа мы также пытаемся сделать немного больше, возражая тому представлению, что кьеркегоровские религиозные работы представляют собой «попытку бегства» от проблемы сообщения. Напротив, именно в контексте неё они и должны быть рассмотрены, чтобы мы могли дать богословский комментарий этому самобытному «учению» о языке. Наконец, мы также пытаемся дополнить авторов, которым решили последовать, замечая, что кьеркегоровское «субъективное» движимо двумя противоположными желаниями: с одной стороны, указать на противоречивость «сообщения», но, с другой, всё же его передать так, чтобы можно было говорить о подлинном «субъективном», «смирении» и т.д. Демонстрация «агонии» внутри сообщения и попытка одновременно её устранить – невозможный жест, к которому прибегает Кьеркегор.

Во второй главе «Понятие «сообщения» и его отношение к богословско-религиозной проблематике» мы вплотную подойдем к вопросу о том, как связана кьеркегоровская языковая или же социальная критика и богословская проблематика. «Публичная речь как источник формирования историчности» демонстрирует, что кьеркегоровские претензии в сторону «объективного» не могут быть рассмотрены вне его рефлексии над языком (чего мы не встретим ни в комментариях Тиллиха, ни в посвященной Кьеркегору работе Капуто, ни во многих других исследованиях), но при этом не затрагивает религиозные писания датчанина. В то же время, все то, о чем говорит Кьеркегор касаясь языка и «сообщения», даёт о себе знать, когда речь заходит, например, о логике дара и её выражении в христианской аскезе. Поэтому следовало бы пойти немного дальше и проследить, как проблема, поставленная в одной кьеркегоровской работе, даёт о себе знать и в других произведениях мыслителя *не только на уровне содержания*, где Кьеркегор *описывает* схожие с понятием сообщения темы, только в других терминах, но и там, где разрыв в сообщении, освещенный им в одной работе, *формирует и направляет* его прочие тексты. Такая интерпретация должна быть осуществлена, поскольку без неё не будут понятны многие оговорки,

сделанные Кьеркегором по поводу своих произведений, а также испытываемая им тревога касает возможности превратного понимания сути этих произведений.

В первом параграфе второй главы «Святоотеческое осмысление богословской речи» мы кратко обзораем христианскую апофатическую традицию, опираясь на тексты отцов-каппадокийцев и священномученика Дионисия Ареопагита, чтобы в дальнейшем показать, в чем именно кьеркегоровская языковая критика отличается от ортодоксального христианского взгляда на сущность языка и его место в богословствовании.

В этом параграфе мы хотели бы выделить следующие особенности ортодоксального подхода к языку в контексте построения богословской речи, которые отличают эту традицию от кьеркегоровской мысли:

а) Апофатическое учение, в котором языковые образы или подобия, с одной стороны, не могут послужить проводником положительного знания о божественной Сущности (понимаемой как нечто принципиально возвышенное и не схватываемое в словах), но, с другой, благодаря своей «анагогической» функции, дают некоторое *приблизительное, всегда недостаточное* понимание того, *кто* есть Бог как Личность. У Кьеркегора мы не встречаем схожей проблематики. То же «частное» или «субъективное» не описывается как нечто реальное, что не схватывается в словах в силу самой своей «возвышенности». Скорее, как было показано в предыдущем параграфе и будет вновь обсуждено в следующем, *говорить, думать* о частном именно как о частном – означает аннулировать и высказывание, и мысль.

б) Ещё большее отличие мы обнаруживаем в ортодоксальном представлении о Боге как Том, Кто, как безусловная реальность, в благодати даёт человеку знание о Себе в межличностном общении, «верифицируя», тем самым богословский дискурс. Бог помогает богослову говорить о Себе в духе церковной истины, церковного Предания и Писания. У Кьеркегора, как мы увидим, человек с его речью на религиозную тематику оказывается предоставлен сам себе.

Во втором параграфе второй главы «"Сообщение" и критика кьеркегоровского изложения Теодором Адорно» творчество датчанина рассматривается в контексте проблемы, которая была уже освещена в параграфе 1.2 – несовпадения содержания высказывания с его ожидаемым эффектом, который говорящий желает произвести. Здесь нам пригодится посвященная этой теме диссертация Теодора Адорно, содержание которой прокомментировано исследователем Джоффри Хэйлом в «Kierkegaard and the Ends of Language».

Осветив специфику кьеркегоровского нарратива, как та даёт о себе знать в его «учении» о «субъективном индивиде», где любое высказывание о «субъективном» предстает в качестве апории (которую можно выразить следующим образом: «учение об уникальном и неповторимом выражает только всеобщее»), мы также затронем вопрос того, какое желание движет этим философским проектом. История рецепции кьеркегоровского творчества и связанной с ней «экзистенциалистской лексики», которую Адорно критикует в «Жаргоне подлинности», пригодится нам для того, чтобы проследить, как то, о чем пишет Кьеркегор касаясь современной ему публичной среды (разрыв между намерением говорящего и тем, что в итоге удаётся сказать), заявляет о себе в его собственных текстах, видоизменяя те таким образом, что их подлинные цели остаются до определенного момента сокрытыми от читателя. Мы полагаем, что кьеркегоровское учение о «субъективном» было воспринято этим самым «жаргоном» (вместе со всеми уточнениями и предупреждениями со стороны автора этого уточнения) не так, как того желал бы Кьеркегор, и что виной этому служит проблематичность самого понятия «частного» или «субъективного», стоит тем быть непосредственно выраженным в речи.

Здесь также даётся попытка подтверждения приведенной в конце первой главы гипотезы, что кьеркегоровский текст движим двумя желаниями: указать на содержащуюся в речи «невозможность» и одновременно её преодолеть. Первого Кьеркегор достигает посредством многократным оговоркам и уточнений, в которых говорится о проблематичности любого «частного», как

только то становится предметом речи, в то время как преодоление этой проблематичности, судя по всему, остаётся несбыточной мечтой философа.

Таким образом, данный параграф вырабатывает методологию работы с кьеркегоровским текстом, что пригодится нам в дальнейшем, когда мы приступим к религиозным писаниям этого мыслителя.

Во третьем параграфе второй главы «Богословское учение Кьеркегора как возвышенная речь в контексте понятия “сообщения”» мы пытаемся наложить подготовленную нами в предыдущем параграфе схему на религиозные произведения Кьеркегора. Так, наконец, получится показать, как именно понятие «сообщения» и связанный с ним «языковой сбой» вписаны в религиозное творчество разбираемой нами философской фигуры. Для этого мы обратимся к категории «возвышенного» и понятию «дара» в их (возможно, в случае возвышенного, не столь очевидной) связи с христианской аскетической практикой. Проследив, как Кьеркегор не только желает в своём собственном тексте описать возможность «чистого дара», но и, что парадоксально, одновременно указывает (и показывает своим собственным письмом) на его несбыточность, можно будет сравнить кьеркегоровский подход к производству богословской мысли с тем, как это осуществляется в святоотеческой традиции.

Разбирая связь кьеркегоровского творчества с понятием возвышенного, мы обращаемся к исследованию Джорджа Паттисона «Kierkegaard's Upbuilding Discourses», где Кьеркегор критикует и радикализует кантовское понимание этой эстетической категории, вводя схожую проблематику в христианское аскетическое учение.

Ещё ближе подступиться к этой теме поможет понятие «дара», осмысленное в дерридианской философии и православной аскезе, где та описывается оказывается связанной со с проблемой «тщеславия». На наш взгляд, именно с проблемой дара сталкивается Кьеркегор, рассуждая о «рыцаре сокрытого внутреннего», перед которым стоит задача утаить от чужих глаз своё смирение перед Богом. Одновременно Кьеркегор упирается здесь в «очередную невозможность сказать», поскольку такая попытка «хранить в секрете»

приводит его к прямо противоположным результатам, где само смирение («чистый дар» без возмещения со стороны получателя, свидетелей или даже со стороны дарящего) становится соблазном и искушением.

В Заключении мы суммируем всё сказанное о кьеркегоровском письме и «сообщении», чтобы дать богословскую оценку тому, как данный мыслитель реагирует на возникшие перед ним трудности в деле построения речи, в первую очередь, на религиозную тематику.

На основе того, как Кьеркегор предлагает решить эту проблему дарения и жертвы, прямо связанную с вопросом «сообщения», мы скажем несколько слов об отношении его мысли к религии и богословию. Кьеркегоровский проект коммуникации (как и предложенный им в случае вопроса «дара» выход) по сути своей не является религиозным не только потому, что совершенно иначе говорит о возвышенном, отказываясь от неподвластного словам «невыразимого», но и потому, что не оставляет места для Бога в коммуникативном акте. Бог никак не участвует в речи о Нем, как и в аскетической практике «рыцаря сокрытого внутреннего», оставляя нас наедине с проблемой «сообщения», для разрешения которой субъект требуется в той же мере, в какой он сам и его способность нечто изменить ставится под вопрос.